

Мой полицейский.

Осада на трассе

Анна Сорока — ❄ — Соня Миронова

Соня Миронова

Мой полицейский. Осада на трассе

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой полицейский. Осада на трассе / С. Миронова — «Автор»,
«Автор», 2026

Я привыкла защищать свой мотель сама. После предательства жениха мужчинам в моей жизни оставалось одно место — за столиком кафе. Но этой ночью на пороге «Кедра» появился старший сержант ДПС Дмитрий Басманов, а следом — вооруженная банда. Один из постояльцев украл их общак. Теперь нас отрезали от связи и обещают сжечь вместе с мотелем. За стенами бушует карельская метель, наверху прячутся люди, а помощи ждать неоткуда. «За мою спину», — приказывает полицейский. Только я не собираюсь отдавать свой дом без боя. Мы встаем плечом к плечу, и с каждым его прикосновением мне страшнее уже не за себя. Чтобы пережить эту ночь, придется довериться мужчине. Чтобы не потерять его — снова рискнуть сердцем.

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Анна Сорока

Мой полицейский. Осада на трассе

Мой полицейский. Осада на трассе

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Ледяной дождь со снегом монотонно и злобно хлестал в широкие панорамные витрины придорожного кафе «Кедр», когда стрелка часов на мореной балке перевалила за одиннадцать ночи. На четыреста двадцатом километре северной трассы буран выль с такой глухой, утробной яростью, словно намеревался стереть наш бревенчатый комплекс с лица земли. В такую погоду перевал превращался в непроходимую ледяную ловушку: асфальт затягивало толстой коркой наката, фуры с тяжелыми полуприцепами складывало в «ножницы» на крутых виражах, а дорожная техника безнадежно вязла в сугробах.

Я провела озябшим пальцем по сенсорному экрану кассового терминала, намереваясь закрыть вечернюю смену, но тусклый экран судорожно моргнул, пошел серыми полосами и намертво завис. Опять перепад напряжения. Старая подстанция за мотелем гудела, как растревоженный осиный рой, не справляясь с порывами штормового ветра. Чертыхнувшись про себя, я достала из-под дубового прилавка толстую конторскую книгу в потертом ледерине. Придется сводить выручку дедовским способом: по бумажным корешкам чеков, с карандашом за ухом. Сырой сквозняк, тянувший из щелей входного тамбура, медленно вытягивал тепло из обеденного зала, заставляя меня зябко поводить плечами даже под плотным вязаным кардиганом. «Кедр» остывал неохотно, держа тепло вековых сосновых бревен, но в такую ночь казалось, что сама стывшая тайга подобралась к крыльцу, заглядывая в темные окна.

Колокольчик над тяжелой дубовой дверью звякнул сухо и отрывисто, впустив в зал густой клуб морозного пара.

На пороге возник старший сержант Дмитрий Басманов. Он стряхнул тяжелый налипший пласт мокрого снега с широких плеч казенного синего бушлата и привычным скупым движением оправил скрипучую кожаную портупею. Внимательные серые глаза под нахмуренными бровями, глубокие упрямые складки у рта, обветренное до кирпичной красноты лицо человека, который годами изо дня в день держал эту ледяную трассу. Я невольно улыбнулась ему — той самой тихой, теплой улыбкой, какую берегут для редких и надежных людей. За все месяцы наших коротких ночных встреч на заправке он ни разу не позволил себе перейти невидимую грань служебной строгости, но между нами всегда висело невысказанное, плотное притяжение, от которого сладко и тревожно замирало под ребрами.

— Доброй ночи, Вера Николаевна, — глуховато произнес он, растирая озябшие ладони. Голос у него был простуженный, с хрипотцой; от бушлата тянуло крепким табаком и морозным железом. — На перевале лесовоз поперек полосы развернуло, три часа на ветру корячились, пока из кювета выдернули. Пустите согреться? Мне самый простой растворимый пакетик из коробки. Чтобы быстрее и дешевле.

— Бросьте вы казенную дистанцию, сержант, — решительно перебила я, доставая из стойки тяжелый латунный холдер рожковой кофемашины и щедро засыпая двойную порцию свежемолотой темной арабики. — На таком собачьем морозе растворимую бурду не пьют. Это за счет «Кедра».

Я вкрутила рожок и пустила струю кипящего пара. Медные трубки натужно заурчали, и через минуту по залу поплыл густой, дразнящий аромат жареных кофейных зерен и пряной корицы. Я пододвинула Дмитрию толстостенную керамическую чашку с плотной ореховой пенкой, положив рядом пару ломтиков подсушенного хлеба с вяленным мясом. Басманов посмотрел на меня так, словно видел впервые: в глубине его стальных глаз вспыхнула живая, обнаженная мужская благодарность. Обхватив горячую чашку шершавыми, загрубевшими от мороза пальцами, он жадно сделал первый обжигающий глоток.

Я хотела расспросить его об обстановке на перевале, но тишину кафе грубо разорвал дребезжащий звук.

В дальнем темном углу зала постоялец из четвертого номера с грохотом швырнул тяжелую граненую кружку о полированную столешницу. Небритый, дерганый тип в засаленной болоньевой куртке, заселившийся трое суток назад под фамилией Буров, тяжело поднялся на ноги. Шаркая стоптанными ботинками по дощатому настилу, он подошел к стойке и уставился на меня воспаленными, красными от бессонницы глазами:

— Слышь, хозяйка! Коньяка плесни навынос. Бутылку давай, «пять звездочек», и пачку сигарет с фильтром. Наверх заберу. Поживее поворачивайся.

От него тяжело несло застарелым перегаром, кислым потом и затхлой тревогой. Руки в карманах куртки непрерывно подрагивали, перекатывая что-то тяжелое.

Я выпрямилась во весь свой рост — а стать и характер мне достались от таежного деда, — и встретила его мутный взгляд ледяным спокойствием:

— После двадцати трех ноль-ноль у нас алкоголь навынос не отпускается, гражданин. Для всех правило одно. И сигарет нет — витрина закрыта. Поднимайтесь к себе в четвертый номер и ложитесь спать.

Бурый осклабился, обнажив желтые прокуренные зубы, сжал кулаки и угрожающе подался вперед, наваливаясь на дерево стойки:

— Ты мне тут закон не шей, девка! Я плачу наличкой, доставай пузырь из-под полы, пока прошу по-хорошему, а то ведь я и сам взять могу...

Дмитрий сохранил спокойствие. Он лишь плавно шагнул вперед, встав между мной и постояльцем, и его правая рука в кожаной перчатке легла на кобуру табельного пистолета, расстегивая металлический грибок застегки. Один сухой, отчетливый щелчок кожи и оружейной стали заставил воздух в помещении мгновенно загустеть.

— Шаг назад, гражданин, — негромко, но убийственно спокойно произнес Басманов. — Руки на виду. Повторять не стану.

Бурый дернулся, словно его хлестнули мокрой веревкой. Воровато скользнул взглядом по широким плечам сержанта, по пряжке офицерского ремня и нехотя попятился к деревянной лестнице, бормоча под нос сквернословие. Через секунду на втором этаже громко хлопнула дверь и дважды провернулся замок.

Дмитрий проводил лестничный пролет долгим, прицельным взглядом, затем застегнул кобуру и повернулся ко мне:

— Кто такой? Давно здесь отирается?

Я понизила голос до шепота:

— Пришел пешком во вторник, перед самым бураном. Сказал, попутка заглохла. Вещей никаких, только черная брезентовая сумка, тяжеленная, как наковальня. Он ее даже в душе из рук не выпускает. Сидит взаперти, свет не зажигает. Выходит только за кипятком и вздрагивает от каждого звука мотора с трассы. А вчера я полотенца меняла — слышу, бормочет у окна: «Не дойдут по снегу, не достанут...». И пальцы в кровь грызет.

Басманов нахмурился, вглядываясь в темноту второго этажа:

— Шрам под нижней губой есть? Кривой такой, рваный?

— Есть, слева, — кивнула я, чувствуя, как внутри нарастает холод.

— Это не Буров, Вера. Это Колька Рябцев по кличке Бурый. Кассир шайки Хмурого. Они две недели назад инкассаторский броневик в области раскололи, двоих охранников положили. А пять дней назад Бурый с общаком банды дернул на север. В ориентировке сказано: вооружен, при себе около сорока миллионов наличными. Хмурый за такие деньги всю тайгу зубами перероет. Похоже, мой патруль сегодня закончился. Я остаюсь в «Кедре».

Холодная игла дурного предчувствия обожгла мне сердце. Я метнулась к щитку за стойкой, чтобы щелкнуть тумблерами наружного освещения и включить мощные прожекторы на козырьке. Рубильник щелкнул. Фонари над входом мигнули, выхватив из белой круговерти пустые бензоколонки и темный, обледеневший силуэт тяжелого тягача без номеров, вставшего поперек выезда на трассу.

И в то же мгновение ночь снаружи разорвалась сухим, оглушительным треском.

Короткая автоматная очередь хлестнула по фасаду здания. Металлическая обшивка козырька отозвалась гулким колокольным звоном, щепки от бревенчатых перил брызнули во все стороны. За окном с ослепительным сине-зеленым пламенем разорвался трансформатор на столбе, взвыл и погас. Комплекс «Кедр» мгновенно провалился в крошечную тьму.

— На пол! Ложись! — рявкнул Дмитрий.

Его железная рука перехватила меня поперек талии. Одним мощным движением он сбил меня с ног, увлекая вниз, на дощатый пол, и накрыл своим тяжелым телом прямо за массивной дубовой барной стойкой. Вторая очередь с визгом вспорола полки с посудой над нашими головами: хрусталь разлетелся в пыль, брызнули осколки стекла, запахло разлитым алкоголем и едким, кислым пороховым дымом.

Я лежала, прижатая щекой к холодным сосновым половицам, ощущая на своей спине спасительную, монолитную тяжесть Басманова. От его бушлата пахло мокрым сукном, кожей, крепким табаком и оружейным маслом. Его сердце билось мощно, тяжело и ровно, без тени суесть.

— Жива? — выдохнул он мне в самое ухо, опалая кожу горячим дыханием.

— Жива... — я вытянула руку во тьме, нащупала витой шнур и сдернула с рычага трубку стационарного телефона под прилавком. В мембране стояла лишь мертвая, сосущая пустота. — Телефон мертв. Связи нет.

Дмитрий хладнокровно загнал патрон в патронник пистолета Макарова и щелкнул предохранителем:

— До райотдела семьдесят километров снежной каши через перевал. Никто сюда не прорвется. Держись строго за моей спиной, Вера. Мы принимаем бой.

Глава 2

Мы лежали во тьме за барной стойкой, вслушиваясь в завывание бурана и низкий, вибрирующий гул дизелей, окруживших мотель с двух сторон. Дмитрий осторожно вытащил из нагрудного кармана бушлата портативную радиостанцию «Эрика», выдвинул гибкую антенну и нажал тангенту служебной волны ДПС. В ответ из динамика вырвался оглушительный, визжащий свист, переходящий в ультразвуковой вой. Писк резанул по барабанным перепонкам с такой силой, что заломило зубы. Дмитрий выругался сквозь зубы и скрутил громкость:

— Похоже, глушат связь. Что у них за оборудование, не знаю. Рация не берет, телефон тоже. Нас заперли в глухом капкане.

Сквозь шум ледяного ветра из темноты парковки загремел хриплый голос автомобильного мегафона:

— Мент, бросай волюну на снег и выкатывай Бурого с сумкой! Даем пять минут по часам! Не выкатишь — пустим факел и спалим вас вместе с бревнами!

Басманов даже бровью не повел на ультиматум, сохраняя абсолютное радиомолчание и мягко, но властно прижимая мою голову к полу. Бандиты, не дождавшись ответа, открыли плотный шквальный огонь по фасаду. Огромные панорамные витрины лопнули одновременно с оглушительным стеклянным грохотом, осыпая зал тоннами острых лезвий. Пули шили бревна с глухим чавканьем, крошили штукатурку, сбивали со стен олени рога. В воздухе повисла удушливая белая взвесь извести и пыли.

— Стекла выбиты, сейчас полезут в проемы! — прошептал Дмитрий. — Нужно завалить амбразуру столом!

Он попытался сдвинуть тяжелый дубовый обеденный стол левой рукой, не выпуская пистолета. Стол весил добрый центнер и намертво заклинил ножками между половицами. Я действовала без повторной команды: опустившись на четвереньки, подползла по ковру из битого стекла и уперлась плечом в подстолье.

— На раз-два! Тяни, сержант! — крикнула я в темноту.

Мы навалились разом. Наши тела столкнулись, дыхание смешалось. С глухим скрежетом трехдюймовая столешница поддалась и встала на попа, закрыв нижнюю часть оконного проема от чужих глаз.

Дмитрий тяжело перевел дух, опустился рядом со мной на корточки и достал из поварского блока разделочный тесак с широким лезвием из углеродистой стали:

— На, держи. На крайний случай. Если полезут — бей снизу под ребра.

Я отвела его руку и криво, почти зло усмехнулась:

— Ножом против автоматов воюют только самоубийцы, сержант. Оставь железку для кухни.

На четвереньках я скользнула в глубь темного коридора подсобки. Здесь, за глухой стеной, пахло сушеными грибами и мукой. Уперевшись спиной в стеллаж, я сбросила на пол два пятидесятикилограммовых мешка с сахаром. За ними в бревенчатой стене открылась дверца стального сейфа — дедов тайник. Три оборота вправо, два влево — замок щелкнул.

Я извлекла на свет то, что дед завещал беречь пуше глаза: помповый дробовик «Бекас-12М» двенадцатого калибра, вороненый, укороченный, с коротким прикладом и удобной рифленой рукояткой — идеальное оружие для тесных помещений.

Когда я вернулась к стойке, Басманов замер от изумления. Он взял ружье за ствольную коробку, но затвор застрял на середине хода — старая смазка застыла на морозе. Не теряя доли секунды, Дмитрий с силой врезал ребром ладони по цевью вперед. Металл жалобно лязгнул, ледяной клин сорвался, и тяжелый затвор с сухим хищным щелчком загнал патрон в патронник.

— Боевое железо. Дед твой толк в оружии понимал, — с искренним мужским уважением выдохнул он.

Я выложила на пол два брезентовых патронташа: тридцать тяжелых патронов с магнум-картечью восемь с половиной миллиметров и четыре калиберные пули Полева на медведя. Дмитрий быстро оценил боезапас: к его пистолету было два запасных магазина, и огневая мощь дробовика превращала нас в грозную штурмовую пару.

— Слушай меня, Вера, — Басманов властно взял меня за подбородок, заставляя смотреть прямо в глаза. — Заряжай магазин и спускайся в бетонный погреб подсобки. Закройся изнутри. Пока я жив, они не пройдут.

Я резко дернула головой, с силой выдергивая подбородок из его пальцев, и вскинула «Бекас» к плечу:

— Командовать на посту будешь, сержант! Этот мотель дед своими руками строил, я здесь каждую щель наизусть знаю, а ты в темноте через порог кувыркнешься. Прятаться не буду. Стрелять умею.

Дмитрий взгляделся в мое лицо, увидел негибкую северную твердость и коротко кивнул:

— Держись за моим левым плечом. Стрелять только по моей команде в упор.

* * *

Сверху, из жилого крыла второго этажа, донесся отчаянный женский вскрик, грохот мебели и надсадный детский плач. Постояльцы проснулись от звона витрин и автоматных очередей. Если люди в панике сейчас ринутся вниз по лестнице, их просто срежет огнем через выбитый фасад.

— Сиди здесь! Я мигом! — крикнула я Басманову, вскакивая на ноги.

— Вера, назад, лестница простреливается! — рявкнул он, но я уже нырнула под прикрытие кирпичного простенка.

Короткими перебежками, прижимая дробовик к животу, я взбежала по лестничному маршу. Пули с визгом щепили перила прямо над моей головой. На верхней площадке я едва не расшибла лоб, налетев на постояльца Игоря Сорокина: мужчина в одних носках и распахнутом пуховике тащил за руку рыдающую шестилетнюю дочь Дашу, стремясь прорваться к своей машине на стоянке.

Сквозь слуховое окно в конце коридора я заметила четкую рубиновую точку лазерного прицела, плясавшую на капоте его авто — парковку намертво держал снайпер с крыши фуры. Не раздумывая, я наотмашь влепила мужчине пощечину, приводя в чувство, и перехватила девочку к себе:

— На крыше фуры снайпер! На первом же шаге срежет! За мной, живо!

Мать девочки, Елена, ползла следом по полу, задыхаясь от едкой известковой пыли, поднятой выстрелами. Даша зашлась мелким, судорожным кашлем, хрипя и синея на глазах. Я опустилась на колено, выхватила из кармана бутылочку минеральной воды, щедро смочила свой ситцевый платок и прижала к лицу малышки:

— Дыши через платочек, маленькая. Тетя Вера с тобой, мы в домике, никто нас не тронет.

Даша уткнулась носиком в мокрую ткань, ее судорожный плач перешел в доверчивое всхлипывание.

Игорь умолял запереть их в первом номере, но его окна выходили прямо на бандитские пикапы. Я повела их в самый торец этажа, где за потайной панелью находилась глухая бельевая кладовая-мансарда. Стены из метровых сосновых бревен без единого окна превращали ее в идеальный бункер. Нажав скрытую пружину, я распахнула дубовую дверь и втокнула семью в темноту, пахнущую лавандой и крахмалом.

В коридоре послышался тонкий всхлип. Под деревянной банкеткой лежала официантка Лариса, трясущаяся от смертельного ужаса. Рывком подняв девчонку на ноги, я впихнула ее в кладовую:

— Лариса, держи дубовый засов изнутри! Никому не открывать, пока не услышишь пароль: «Кедр-семь»! Поняла?

Она судорожно закивала и с глухим щелчком задвинула кованый брус.

Развернувшись к выходу, я наткнулась ногой на брошенную сантехниками тяжелую стальную монтировку — граненый лом с загнутым гвоздодером весом в добрых семь килограммов. Подхватив тяжелый прут, я поняла: это идеальный упор для блокировки дверей.

В этот момент снизу донесся чудовищный грохот выбиваемой пожарной двери кухни и тяжелый топот сапог. В воздухе запахло серой, порохом и гарью. Перехватив помповик и лом, я скользнула вниз по ступеням, готовая прикрыть спину Дмитрия.

* * *

На кухне царил крошечный ад. Металлическая дверь пожарного выхода сотрясалась под ритмичными ударами тяжелой кувалды. Створка прогибалась, но держалась: изнутри ее подпирали массивный чугунный стол для разделки мяса. Поняв, что нахрапом дверь не снести, бандиты пустили в ход автоген, срезая массивные навесные петли. Мы выиграли полминуты, чтобы организовать огневой мешок в узком проходе.

В образовавшийся пропил с шипением влетела армейская дымовая шашка РДГ-2. Густой, ядовитый белый дым хлынул в кухню, обжигая легкие и выедавая глаза до слез. Басманов мгновенно сорвал с шеи шерстяной шарф, макнул в ведро с водой и плотно обмотал вокруг моего лица:

— Дыши через шерсть! Опустись к полу!

Сам он натянул ворот на лицо, опустившись на колено у дверного косяка и ориентируясь по отблескам налобных фонарей врага.

Срезанная петля лопнула с оглушительным скрежетом. Железная створка перекосилась, и в полуметровый проем протиснулся головной штурмовик в балаклаве, ведя слепой веерный огонь из автомата Калашникова. Пули крошили кафель и разносили медную посуду. Но протиснуться вдвоем нападающие не могли.

Дмитрий хладнокровно выждал силуэт и дважды нажал на спуск пистолета Макарова. Два хлестких выстрела в шею и грудь свалили боевика за смерть, загромождив проход его телом.

Следом в проем ринулся двухметровый громила по кличке Бык, вскидывая укороченный АКС-74У прямо в лицо Басманову. Дмитрий вскинул пистолет, но затвор остался на задержке: последние патроны этого магазина он истратил, отражая прорыв. Перезарядиться Бык ему не давал.

Мое сердце оборвалось. Но Дмитрий не дрогнул.

Одним мощным движением он отступил на шаг назад, врезавшись монолитной спиной в мою грудь. Его тело укрыло меня щитом. Не глядя, он нащупал мои онемевшие пальцы на цевье и шейке помповика, накрыл их своими горячими мозолистыми ладонями и выдохнул мне в щеку:

— Держи намертво, маленькая! В петли косяка! Огонь!

Его палец лег поверх моего на спусковом крючке. Мы вдавили спуск одновременно.

Оглушительный грохот двенадцатого калибра сотряс кухню. Сноп магнум-картечи с дистанции в полтора метра разворотил деревянный косяк и снес Быку плечо, оторвав его от пола и швырнув обратно на обледенелые ступени крыльца. Громила завыл от невыносимой боли, захлебываясь кровью. Отдача толкнула меня назад, но Дмитрий удержал мои руки, и я не потеряла равновесия.

— Еще! Качай цевье! — крикнул он.

Я рванула цевье на себя и вернула вперед; раскаленная гильза ударила по сапогу, затвор загнал новый патрон.

Сквозь дым донесся сухой металлический щелчок выдернутой чеки: второй бандит во дворе замахнулся гранатой РГД-5. Басманов повернул ствол ружья на звук, и мы выстрелили на полсекунды раньше броска. Картечный заряд перебил нападающему кисть. Граната выскользнула из его раздробленных пальцев и покатила под ноги штурмовой группе.

— Назад, граната! — в ужасе завопили во дворе.

Мы упали плашмя на кафед. Через миг за порогом грохнул разрыв. Осколки впились в обшивку, двор огласился криками раненых. Штурм захлебнулся: бандиты под прикрытием неприцельного огня потащили стонущего Быка во тьму к машинам и захлопнули внешнюю створку забора.

Первый натиск остался за нами.

Дмитрий тяжело поднялся, попытался заклинить пробитую дверь монтировкой, но вдруг странно покачнувшись. Ноги его подогнулись, лом со звоном упал на пол.

— Дмитрий! — я бросилась к нему.

Он тяжело осел на одно колено, привалившись к закопченной стене. Чиркнув охотничьей спичкой, я с ужасом увидела, как из разорванного автоматной пулей рукава его бушлата толчками сочится густая, парящая на морозе кровь. Одна из пуль в кухонной перестрелке попала ему в плечо. Когда именно — я даже не заметила.

— Ерунда... Главное, дверь заклинить... — с трудом прохрипел он, теряя силы.

И в этот миг с улицы через мегафон загремел хриплый голос Хмурого:

— Сержант, даю двадцать минут на размышление! Сдашь сумку и бабу — уйдешь живым! Через двадцать минут подгоню бензовоз и сожгу вас к чертовой матери!

Дмитрий до крови прикусил губу, сдерживая стон:

— Слышала?.. Двадцать минут...

— Молчи, Дима, держись за меня, — прошептала я, обнимая его за здоровое плечо. Достав кухонные ножницы, я опустилась перед ним на колени, готовая взрезать плотное сукно бушлата.

Двадцать минут перемирия начинали обратный отсчет.

Глава 3

В служебной кухне мотеля царил стылый, давящий полумрак, колеблемый лишь дрожащим огоньком восковой свечи, прилепленной к блюдцу из толстого фаянса. Из разбитого обеденного зала тянуло сырым морозным сквозняком — на улице разгулялась настоящая северная метель, термометр за окном показывал под минус пятнадцать, и ледяной воздух тайги вымывал бревенчатый комплекс с пугающей, неумолимой быстротой. Пол был усыпан стреляными латунными гильзами, осколками керамических тарелок и мелким стеклянным крошевом. Запах пороховой гари мешался с запахом пролитого кофе и стылой известковой пыли.

Дмитрий с глухим, сдавленным стоном опустился на тяжелый деревянный табурет возле массивного разделочного стола. Правый рукав его казенного синего бушлата намертво присох к запекшейся ране на плечевом суставе. При малейшей попытке стянуть грубую ткань сержант бледнел до синевы, желваки на его скулах каменели, а на лбу сквозь слой сажи проступали крупные капли холодного пота. Рвать сукно силой было нельзя: вместе с тканью сошли бы рваные пласты живой кожи.

— Сиди смирно, не дергайся, — тихо шепнула я, чувствуя, как от его раненого плеча исходит сухой, лихорадочный жар.

Я крепче перехватила тяжелые кухонные ножницы для птицы, щедро залила разорванный край рукава хлоргексидином из пластикового флакона и, опустившись перед Басмановым на колени, начала аккуратнo распарывать шов от обшлага запястья до самого воротника. Острые лезвия с легким хрустом резали пропитанную кровью шерсть, высвобождая багровое, сочащееся плечо без лишней боли.

Я метнулась к навесному аптечному шкафчику над раковиной, надеясь найти стерильные бинты, но стандартный автомобильный рулончик из аптечки рассыпался в моих пальцах трухой и ветхими гнилыми нитками. Черт бы подобрал этих дорожных снабженцев, экономящих на копеечных перевязках! Тогда я вспомнила про дедовский тайник. Отодвинув деревянную фальшпанель за сушилкой посуды, я запустила руку в сухую нишу между сосновыми брусьями и извлекла запечатанный армейский индивидуальный перевязочный пакет в прорезиненном водоотталкивающем чехле. Он пах сухим складом, тальком и настоящей солдатской надежностью.

Дмитрий попытался перехватить у меня пакет здоровой левой рукой:

— Пустяк, Вера... Не переводи дедовский запас. Полотенцем кухонным замотай покрепче, до утра дотяну.

Кровь толчками сочилась сквозь его сведенные пальцы, дыхание сбивалось на хрип. Я с силой прижала свою ладонь к его здоровому левому плечу, буквально вдавливая его спиной в бревенчатую стену, и строго посмотрела прямо в затуманенные болью глаза:

— Здесь я хозяйка, Басманов. Сиди и не дергайся, пока я швами командую. В дежурке своей сержантам указывать будешь.

В его серых глазах мелькнула слабая, теплая усмешка, и он послушно уронил здоровую руку на колени, признавая мою власть.

Я метнулась к стенному шкафу за чистыми салфетками. Ледяной сквозняк едва не задул свечу, и мне пришлось заслонить язычок пламени собственной спиной. Вернувшись к Дмитрию, я осторожно убрала разрезанную ткань.

— Сейчас будет больно, Дима.

Он судорожно выгнулся всем телом, табурет под ним жалобно скрипнул, сухожилия на шее натянулись, как стальные тросы. Дмитрий глухо зарычал сквозь зубы. Я не давала себе раскиснуть: прижала к ране чистую подушечку из перевязочного пакета и держала ее, пока кровь перестала так быстро пропитывать ткань. Лезть внутрь раны я боялась — это дело врача, которого нам еще предстояло дожидаться.

Сдерживая дрожь в руках, я осторожно завела салфетку под его лопатку — там тоже сочилась кровь. Пуля прошла навывлет. Что она успела задеть, я знать не могла, и от этой неизвестности хотелось выть.

— Дотянем до врача, сержант. Обязательно дотянем, — выдохнула я, заставляя себя говорить твердо.

Чтобы наложить тугую перекрестную повязку через грудную клетку, мне пришлось податься вперед и буквально обнять его за обнаженный торс обеими руками. Наше дыхание смешалось. Я ощутила обжигающий, звериный жар его мускулистого тела, запах чистого мужского пота, пороха и мерный, тяжелый стук его сердца прямо под своей щекой. Дмитрий замер, боясь пошевелиться, его серые глаза потемнели, впиваясь в мои губы с такой отчаянной, обнаженной нежностью, что у меня перехватило дыхание.

Закрепив повязку на спине, я помогла ему бережно опустить раненую руку на край стола. Пальцы Дмитрия подергивались, потеряв чувствительность от шока. Я села на край стола рядом, накрыла его широкую огрубевшую ладонь своими руками, согревая ее горячим дыханием и мягко массируя каждую онемевшую фалангу. Я чувствовала под пальцами стальные жилы его руки, биение живого пульса на широком запястье. Через минуту Дмитрий судорожно вдохнул, и его пальцы с внезапной, сокрушительной силой сжались вокруг моей ладони, с благодарным жаром удерживая ее в крепком замке: он снова мог сжимать пальцы, хотя рука оставалась слабой.

* * *

На настенных деревянных часах стрелка доползла до 00:25 — пять драгоценных минут из объявленного Хмурым перемирия сгорели безвозвратно. В помещении кухни стало невыносимо холодно, изо рта при каждом выдохе вырывались густые клубы пара. Я подошла к электроплите, чтобы поставить чайник, но черная стеклокерамика была мертва — резервная линия молчала.

Тогда я выдвинула нижний ящик верстака и достала оттуда компактную походную газовую горелку с баллончиком-дихлофосом. Охотничьи спички в коробке отсырели от кухонного пара и ломались одна за другой. Дмитрий молча вытащил из кармана брюк старую армейскую латунную зажигалку «Зиппо» со следами потертостей на корпусе, щелкнул кресалом и высек устойчивый желтый сноп огня: горелка отозвалась веселым, гудящим синим цветком пламени.

Я повернула вентиль мойки, но водопровод издал лишь сухой хрип — глубинный скважинный насос стоял без тока. Пришлось достать из-под барной стойки запечатанную пятилитровую бутыл чистейшей карельской артезианской воды. Я наполнила тяжелую медную джезvu, засыпала четыре горки тонко смолотого кофе элитного сорта «марагоджип» и щедро бросила три ложки тростникового сахара, чтобы вернуть раненому Дмитрию силы.

Пока напиток медленно поднимался густой ореховой шапкой, Дмитрий придвинулся ближе. Густой, пьянящий аромат свежесваренного кофе наполнил ледяную кухню щемящим теплом прежней, мирной жизни. Басманов осторожно накрыл мои озябшие ладони своими горячими мозолистыми руками прямо над пламенем горелки. В его глазах отражались синие лепестки огня:

— У тебя пальцы совсем как ледышки, хозяйка... Грейся. Я ведь столько месяцев мимо твоего крыльца на патруле проезжал. Смотрел в твои окна, в теплый свет занавесок, и думал:

какая же ты недоступная, строгая. Ходит королевой среди тайги. А внутри у тебя, Вера, оказывается, настоящее солнце.

У меня сладко и больно сжалось сердце от его не защищенных уставом слов. Я хотела разлить кофе в фарфоровые чашки, но вся открытая посуда на полках превратилась в битый хлам от недавней гранатной волны. Я достала из закрытого нижнего шкафчика две толстостенные граненые кружки из толстого стекла и разлила кипящий черный настой поровну. Горячий глоток обжег пищевод, разливаясь по телу спасительной живительной волной, возвращая ясность мыслям.

Бутерброды с сыром на подносе замерзли на сквозняке до состояния камня. Я сунула руку в карман фартука и нащупала плитку темного шоколада с дробленным лесным фундуком. Разломив ее на дольки, я протянула кусок Дмитрию, но видя, как трудно ему приподнять раненое плечо, сама поднесла сладкий ломтик к его губам. Дмитрий осторожно принял угощение, на долю секунды коснувшись шершавыми губами кончиков моих пальцев, и глубоко, шумно выдохнул. От горячего питья его щеки чуть порозовели, но усталость и боль остались в глазах.

— Дима, — тихо прошептала я, глядя в темноту разбитого зала, где завывала вьюга. — А если они подгонят технику и сожгут нас заживо? Ведь Хмурый не отступится от таких денег.

Дмитрий поставил кружку, здоровой рукой взял меня за подбородок и заставил смотреть прямо в свои стальные, спокойные глаза:

— Пока я дышу — этот дом не сгорит. С такой женщиной, Вера, умирать нельзя. Мы выстоим, слышишь? Я тебя никому в обиду не дам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.